

тво // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.:Academia, 1999. – С. 70-100.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

4. Кваснюк Б. Структурна перебудова економіки та її ресурси // Економіка України. – 2003. – №11. – С.18-28.

5. Чухно А.А. Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України – К.: Логос, 2003. – 631 с.

6. Єрохін С.А. Структурна трансформація національної економіки (теоретико-методологічний аспект). /Наукова монографія/ – К.: Видавництво „Світ знань”, 2002. – 528 с.

7. Геєць В.М. Інституційні перетворення і суспільний розвиток // Економіка і прогнозування. – 2005. – №2. – С. 9-36.

8. Голиков В. И. Намерения, реалии, возможности и пути реализации инновационной стратегии развития экономики Украины// Економіка і прогнозування.– 2004. – №1. – С.31-38.

9. Гайдай Т.В. Інституційно-еволюційний підхід у дослідженні суті та суперечностей перехідних економік // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Випуск 89-1. – Д.: ДонНТУ, 2005. – С. 66-72.

10. Ляшенко В.І. Інституційні пастки перехідної економіки// Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Випуск 89-1. – Д.: ДонНТУ, 2005. – С.178-184.

11. Кравченко І.С. Трансформація освіти як фактор трудовбереження // Гуманітарна освіта: досвід і проблеми (Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції „Трансформація гуманітарної освіти”) – Ужгород, 1999. – С.271-274.

12. Людський розвиток в Україні: 2003 рік

(колектив авторів)/ Щорічна науково-аналітична доповідь/ За ред. Е. М. Лібанової. –К.: Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, Держкомстат України, 2004. – 290 с.

13. Геєць В.М. Характеристика перехідних процесів до економіки знань // Економіка України. – 2004. – № 4 - 5.

14. Грішнова О. А. Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки. – К.: Т-во “Знання”, КОО, 2001. –254 с.

15. Антонюк В.П. Людський капітал як чинник інноваційної активності// Формування ринкової економіки: 36.наук. праць. Т.1. Сучасні технології управління людськими ресурсами. – К.: КНЕУ, 2005. – С.13-19.

16. Куценко О. Д. Суспільство нерівних. Класовий аналіз нерівностей у сучасному суспільстві: Спроби західної соціології. – Харків: Вид-во Харківського університету ім. В.Н. Каразіна, 2000. – 316 с.

17. Симончук Е. В. Средний класс: люди и статусы. – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 2003.-464 с.

18. World Employment Report 2001 (Life at Work in the Information Economy)–ILO:Geneva, 2002.– 371 p.

19. Райх Р. Труд наций. Готовься к капитализму XXI века// Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 509-527.

20. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.Макеева. – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 2003. – 258 с.

21. Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход // Общественные науки и современность – 2004. – №3. – С.5-16.

Статья поступила в редакцию 13.01.2006

**Ю.Н. ПЕТРУШЕНКО, к.э.н., доцент,
Сумский государственный университет**

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Проблема эффективности экономической власти является сегодня в Украине без сомнения одной из наиболее актуальных и обсуждаемых в средствах массовой информации. В то же время можно выделить всего лишь несколько фундаментальных работ, выполненных отечественными учеными за последнее десятилетие в этой области знаний. Прежде всего, это

исследования Г.В.Задорожного (Харьков, 1996) [1] и В.В.Дементьева (Донецк, 2003)[2]. По мнению В.В.Дементьева, “власть, которая является одним из основных объектов анализа в политических и социологических науках, далеко не стала такой в экономических науках”[3, с.17], поэтому “власть нужно изучать” и “ана-

© Ю.Н. Петрушенко, 2006

лиз власти должен способствовать поиску ответа на вопрос: кто, над кем (чем), в каких пределах, какими методами и ради достижения каких целей должен осуществлять власть в экономической жизни общества"[2, с.191].

В то же время практически любой ученый, который занимался проблемами власти в экономике, указывал на «междисциплинарный» характер феномена власти. Б. Рассел считал, что власть является таким же фундаментальным понятием в социальных науках, как энергия в физике, поэтому, подобно энергии, она «может превращаться из одной формы в другую, и задачей социальных наук должен быть поиск законов этих трансформаций» [4, с.9-10]. Это сравнение, на наш взгляд, является весьма интересным, поскольку открывает методологические возможности изучения взаимосвязи различных форм власти.

Физическая энергия, как известно, может превращаться из кинетической в потенциальную, из потенциальной в тепловую и т.д. Но все ли формы власти подвержены трансформации, при каких условиях это возможно, действует ли при этом «закон сохранения власти», подвержена ли власть энтропии? Поиск ответов на эти вопросы продолжается.

В этой работе представлены некоторые размышления по поводу роли экономической культуры и властных характеристик личности в системе образования, распределения и перераспределения экономической власти. Цель работы – послужить введением к более доскональному изучению этого предмета.

Актуальность именно такой постановки вопроса определяется наблюдениями за формированием экономической и политической элиты в Украине и некоторых других постсоветских государствах, наталкивающих на мысль о существовании определенных закономерностей этого процесса, которые отличаются от описываемых в западной литературе именно особой важностью социокультурных характеристик власть имущих.

Вопросом о природе власти задавались прежде всего философы. Один из наиболее известных сюжетов гегелевской философии получил название «диалектика господина и раба». Современный санкт-петербургский философ А.Секацкий в свойственной ему образной форме вкратце свел его суть к следующему.

«Допустим, мы считаем волю к власти неустранимым мотивом человеческого бытия. Одни люди оказываются властвующими, прочие, соответственно, им подчиняются. Сразу же возникает вопрос: почему? Можно согласиться

на то, что властвующие – это имущие, они обладают средствами производства, чем и обеспечивают себе господство. Такое объяснение предполагает, например, марксизм. Ясно, однако, что вопрос этим не решается: нас интересуют, почему средства производства оказываются, скажем, у него, а не у меня? Можно заявить: «Властвует тот, кто сильнее». Но и этот ответ слишком расплывчатый: именно природа силы, благодаря которой господин господствует, и требует объяснений, ведь не о физической же силе идет речь.

Скорее, имеется в виду внутреннее качество как решающий признак власть имущего. Как раз об этом и говорил Аристотель в своей чеканной формуле: «Одни люди по природе своей свободны, другие же рабы; и быть им рабами полезно и справедливо». Наконец, Гегель ставит все точки над *i*: господин есть тот, кто готов поставить жизнь на кон. Тот, кто не отваживается на предельную ставку, обнаруживает тем самым свою природу слуги.

Богатство рано или поздно отнимут, если оно не подкреплено готовностью к смертельному риску. Традиция будет сметена, когда накопится отложенный соблазн. Следовательно, восхождение элиты опирается на вызов, брошенный смертью, на преодоленный страх потерять свое драгоценное существование»[5, с.215].

Именно такие люди и брали в свои руки бесхозную или едва удерживаемую власть после распада Советского Союза. Причем в большинстве случаев это были не самые умные, образованные, законопослушные или трудолюбивые представители общества (скорее наоборот), но они отвечали главному критерию – готовностью к риску. Власть, как и прибыль, является вознаграждением не за труд, а за риск. Интересная двусмысленность заключается в том, что чем дальше (как показывает практика, не только от возможности потерять имущество, но и от закона и морали) находится предел риска, тем большие «беспредельщики» приходят к власти. А уж затем не трудно получить и санкцию на власть: если заплатить, ее смогут сформулировать специалисты по законам и правилам, причем, если необходимо, то и задним числом.

Далее история развивается по схеме, описанной итальянским философом и экономистом А.Парето. «Сословие господ вновь учреждает государство, понимаемое как механизм учреждения власти, положение в обществе на несколько поколений стабилизируется – господину достаточно лишь время от времени под-

тверждать свою готовность к смертельному риску. Однако из-за редкого употребления эта способность постепенно утрачивается, и в какой-то момент очередное поколение власть имущих начинает держаться только на социальной инерции. Соответствующий пункт исторического развития можно назвать усталостью элиты: теперь власть принадлежит не господину, а исполняющему обязанности господина. Понятно, что долго так продолжаться не может: подобно всякому временщику, и.о. господина пытается урвать побольше («на будущее»), подкупить тех, в ком распознает угрозу. Но дело его обречено: новая восходящая элита, хищная, ненасытная, легко бросая на кон свои и чужие жизни, решительно забирает власть из дрожащих рук» [Цит. по 5, с.216].

События, которые развернулись на Украине в последних пятнадцать лет, кроме смены экономической и политической системы, знаменуются также процессом смены элит. Бывшая партийная бюрократическая номенклатура, окончательно утратив властные позиции была сметена новым политическим авангардом, который держался в основном на патриотических идеях независимости и не обладал необходимыми навыками властвования. В большинстве случаев он не тянул не только на должность господина, но даже и на и.о. Поэтому сначала экономическая, а потом и политическая власть в стране постепенно была захвачена теми, кто даже во времена советского государства не утратил способности рисковать, прежде всего, криминальными личностями и группировками.

В связи с этим, трудно не согласиться с мыслью А.Секацкого о том, что самым важным, что было потеряно за семьдесят коммунистических лет СССР – это «люди, обладающие навыками свободы и властвования». В разных странах эта потеря была восполнена по-разному. Прибалтийские страны очень быстро приспособились к новым условиям, чего нельзя сказать об Украине или России, или, тем более, о Казахстане или Узбекистане. Из этого можно сделать вывод, что стойкое бесстрашие, проявляемое на уровне инстинкта отдельной личностью или социальной группой, есть всеобщее достояние нации, порой даже более важное, чем наличие природных ресурсов. Достаточно вспомнить английских футбольных фанатов (которые, при внешней английской сдержанности, наводят ужас на всю Европу и от которых не раз доставалось внешне более экспрессивным итальянским или аргентинским болельщикам) или японских камикадзе, чтобы понять

источник английского или японского экономического процветания. Возможность получения власти бандитами в Англии или Японии очень затруднена, поскольку имеется твердая воля свободных людей, готовых сражаться за свои права.

Что касается Украины и России 1990-х годов, то западные ученые не раз удивлялись тому, с какой легкостью захватывали власть и собственность в этих странах криминальные авторитеты, – им не нашлось достаточного внутреннего сопротивления. Оказалось, что завладеть можно не только заводом или фабрикой, но и значком депутата и дипломом доктора наук. С другой стороны, даже в регионах, где имелись все необходимые ресурсы, они не находили своей экономической реализации ввиду угнетенного состояния предпринимательских способностей у населения. К чему это привело, в комментариях не нуждается.

Каким образом можно исправить эту ситуацию? Как привить человеку рыночную культуру и готовность бороться за свои права? Эти вопросы стоят сегодня особенно остро.

В.Л. Иноземцев считает, что эта проблема становится еще более сложной в связи с углублением процессов глобализации и информатизации общества. «Сегодня не общество, не социальные отношения делают человека представителем господствующего класса, и не они дают ему власть над другими людьми; сам человек формирует себя как носителя качеств, делающих его представителем высшей социальной страты. Знания и информация являются наиболее демократичным источником власти, ибо все имеют к ним доступ, а монополия на них невозможна. Однако, в то же время, знания и информация являются и наименее демократичным фактором производства, так как доступ к ним отнюдь не означает обладания ими. Современное социальное противостояние порождается сущностными отличиями внутреннего потенциала различных членов общества» [Иноземцев, 2000, цит. по 6, с.77].

В.В. Дементьев конечной целью своего исследования экономической власти [2, с.17] обозначил поиск ответа на вопрос, какова должна быть эффективная власть в экономической системе. Но как сделать власть эффективной, если те, кто способен управлять, этого не достойны с моральных позиций. Коммунизм, возможно, тоже является неплохой теорией, но он не выдержал испытания человеческой природой.

Украинская «помаранчевая революция» в определенной степени открыла возможности

для формирования экономической власти на новом прогрессивном уровне, но оказалась не в состоянии справиться с отсутствием квалифицированных кадров. «Непрофессионализм власти» уничтожил многие плоды революции, как реальные, так и потенциальные.

Поэтому, на наш взгляд, не менее важной, чем поиск эффективной системы экономической власти является поиск эффективных путей развития экономической культуры населения, поскольку она во многих случаях является основополагающей. Важность влияния культуры на экономическую жизнь подчеркивали многие известные ученые, которые занимались изучением экономической власти. Д. Норт под культурой понимал «передачу от одного поколения к другому через обучение и повторение знаний, ценностей и прочих факторов, которые влияют на поведение» [7, с.52]; В. Ойкен писал, что «хозяйственная практика всегда сильно зависит от расы проживающих людей, уровня их образования, традиций, убеждений ...во-общем от исторического фона» [8, с.28]; Ф. Хаэк считал, что «в регулировании экономической жизни именно традиции и внутренние нормы поведения играют решающую роль»; В.В.Дементьев утверждает, что «система власти в каждой национальной экономике формируется и вырастает под влиянием моральных и религиозных норм, традиций и т.п.» и что «невозможно понять и объяснить институты экономической власти, например, Германии или Японии без учета социокультурного фактора» [2, с.143].

“Культурная” составляющая хозяйственных процессов уже давно находится в поле научного внимания социологов. По мнению Марка Грановеттера, признанного лидера в области новой экономической социологии, экономическое поведение «укоренено в сетях межличностных отношений» [9, с.492]. Известный социолог культуры Пол Димаджио считает, что существуют и другие виды укорененности и, прежде всего, укорененность экономических действий в культуре, то есть культурная укорененность. По мнению Димаджио, культура влияет на хозяйственные процессы с помощью “верований и идеологий, убеждений, которые признаются большинством, или формальных систем правил” [10, с.30]. По аналогии можно утверждать, что система экономической власти укоренена в сетях социокультурных и межличностных отношений.

Мировая экономическая история свидетельствует о том, что темпы социально-экономического развития общества зависят, в конечном счете, не от количества ресурсов и

технологий и даже не от производительности труда, а от способности общества накапливать и сохранять информацию. Эта способность, по мнению Л.Г.Мельника, представляет собой «своеобразный культурный генетический код нации, который хранится в системе социальной памяти» [11, с. 351].

На наш взгляд, из множества трактовок экономической культуры, которые имеются в экономической литературе, наиболее полное определение, соответствующее ее роли и функциям в обществе, дали Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, которые понимали под экономической культурой «совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития» [12, с. 110].

Под системой социальной памяти Л.Г.Мельник предлагает понимать «существующую в обществе способность накапливать, хранить и воспроизводить информацию о событиях внешнего мира и реакциях на них самой социально-экономической системы» [11, с.351]. В качестве формирующих факторов национальной системы социальной памяти могут рассматриваться:

- опыт системы, сохраненный в знаниях, навыках, традициях, привычках, материальных объектах, культурных ценностях, нравственных устоях;
- возможность приобретения и освоения новой информации (в частности, в опыте смежных сообществ), включая наличие технических средств;
- возможность критического осмысления и творческого использования прошлого опыта и новой информации, что в свою очередь зависит от интеллектуального потенциала общества, его творческой энергии, свободы волеизъявления и пр.;
- действующая в обществе формальная и неформальная правовая основа, запрещающая, ограничивающая или поощряющая те или иные действия;
- система мотивации;
- нравственные устои общества;
- условия возникновения синергетических эффектов, при которых интеллектуальный потенциал общества оказывается больше суммы интеллектуальных потенциалов его отдельных членов;
- лидерский потенциал элиты общества, обеспечивающий синергетический эффект коллективного поведения членов общества, объе-

диняючий все перераховані фактори для досягнення єдиної цілі.

Ети фактори надзвичайно важливі для формування систем соціальної пам'яті на будь-якому рівні суспільних структур і можуть розглядатися як основа для формування і розвитку національної економічної культури. Реалізація будь-якого з економічних рішень, в тому числі і в системі економічної влади, повинна передувати ретельній підготовці відповідних блоків економічної культури як соціальної пам'яті економічного розвитку для сприйняття поставлених цілей і адекватної реакції на їх досягнення.

Література

1. Задорожний Г.В. Собственность и экономическая власть. – Харьков: Основа, 1996. – 144 с.
2. Дементьев В.В. Власть: экономический анализ. Основы экономической теории власти: Монография. – Донецк: Каштан, 2003. – 200 с.
3. Дементьев В.В. Власть в економічній системі // Економічна теорія. – 2005. – №2. – С.17-28.
4. Russell B. Power. – London and New York: Routledge, 2000. – 207 p.

5. Секацкий А. Сила взрывной волны. Статьи, эссе. – СПб.: ООО «Издательство Лимбус Пресс», 2005. – 400 с.

6. Мельник Л.Г. Информационная экономика. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2003. – 288 с.

7. Норт Д. Институції, інституційна зміна та функціонування економіки. – К.: Основи, 2000. – 198 с.

8. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.

9. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The problem of Embeddedness, American Journal of Sociology (November 1985)/ Vol. 91. P. 481-510.

10. DiMaggio P. Culture and Economy // N.Spelmer, R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 27-57.

11. Мельник Л.Г. Тайны развития. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. – 378 с.

12. Заславская Т. И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – 448с.

Статья поступила в редакцию 13.01.2006

Ю. В. УЩАПОВСЬКИЙ, к. е. н., доцент,
Житомирський державний технологічний університет

ВИТОКИ, ОСОБЛИВОСТІ ЕВОЛЮЦІЇ, СТРУКТУРА ДОСЛІДЖЕНЬ ТА ПЕРСПЕКТИВИ УКРАЇНСЬКОГО ІНСТИТУЦІОНАЛІЗМУ

Своєрідне відродження інституціоналізму на початку ХХІ століття, посилення його впливу на ліберальні та кейнсіанські концепції, особливо у постсоціалістичних державах, які перебувають в стадії пошуку власних моделей економічного розвитку, обумовлене бажанням економістів розширити предмет традиційної економічної теорії, залучивши до нього вивчення «інституційного середовища». Такі прагнення у своїй основі мають об'єктивні обставини, пов'язані із зростанням впливу суб'єктивних факторів на функціонування ринкового механізму як національних економік, так і світового господарства. Економічна теорія (парадигма), що свідомо ігнорує дослідження таких впливів, позбавляє себе майбутнього. Аналіз економічної системи України з позицій найкращих досягнень сучасного інституціоналізму буде не повним, а впровадження його результатів не ефективним, коли ми будемо ігно-

рувати здобутки на цьому шляху вітчизняної економічної науки. Метою нашої статті є з'ясування витоків, особливостей еволюції інституційних ідей в структурі досліджень української економічної думки на етапі формування українського інституціоналізму протягом ХІХ – поч. ХХ ст. – проблеми, яка сьогодні викликає зацікавлення не тільки серед економістів-істориків. Враховуючи ширину інституційного дослідницького поля, кількість вчених, що аналізують окремі його складові частини, в Україні з року в рік зростає. Серед них можна виділити: В. Бодрова, Т. Гайдай, В. Дементьєва, М. Довбенка, С. Злупка, Б. Кульчицького, П. Леоненка, А. Маслова, О. Нестеренко, А. Філіпенка, А. Чухно та ін. [1–13]. Українські вчені добре обізнані із працями своїх російських колег: Р. Капелюшнікова, А. Московського, Р. Нуреєва, А. Олейник, А. Шастико та ін. [14–15].

© Ю. В. Ущатовський, 2006